

POHÁDKA O ZLATÉM KOHOUTKOVÍ

Alexandr Sergejevič Puškin

Za devaterými lesy,
za sedmery moři kdesi
přeslavný car Dadon žil.
V mládí v rozkvětu svých sil
býval všemi obávaný
pro své dobyvačné plány,
ke stáru začlo mu však již
válčení býti na obtíž,
chtěl už klid mít k posledku.

Kdekdo z jeho sousedů
začal ale náhle zbrojit,
škodit mu a pikle strojit.
Aby ochránil svou zemi
před vpády a různicemi,
musel, ať chtěl nebo ne,
držet vojsko nákladné.
Vojevůdci, třebaš bdělí,
uhlídat vše neuměli.
Když důkladně střeží jih —
na východě boj se zdvih,
v horách bitvu vybojují —
mořem cizí lodě plují,
nikde mír a bezpečí.
Car div zlostí nebrečí,
úzkostí se v noci vzbouzí.
Nakonec v nejvyšší nouzi,
když už strachem umírá,
pošle s prosbou kurýra
ke kleštěnci, k hvězdopravci.

Kurýr s mudrcem se vrací.
Ten vytáhne jako dar
z měšce kohoutka. S ním car
může celé dny a týdny
mít prý spánek pevný, klidný,
neštěstí ho nepotká.
»Vsaď zlatého kohoutka
na věž na vysoké tyči.
Dokud se tam nerozkřičí,

nepřítel se dojista
nikde k vpádu nechystá.
Kdyby ale cizí zbraně
zařinčely někde tajně,
nebo jiné neštěstí
něco mělo přinést ti,
kohoutkovi všechno peří
hněvivě se načepejí,
kohoutek se nastraží,
napřímí se, s kuráží
zvedne hřebínek, v tu chvíli
obrábí se na bidýlku
směrem, odkud vpadnout chce
v tvou zem vojsko vetřelce.
Zahnat je pak nedá práci.«
Car děkuje hvězdopravci,
málem starce objímá
slibuje mu hory doly,
ať prý odměnu si zvolí,
že kdykoli splní rád
všechno, co si bude přát.

Kohoutek pak na své věži
bdí, hranice říše střeží,
při nejmenším šustnutí
zčepejřenou perutí
mává, křičí na troufalce,
kteří šikují se v dálce:
»Kykryký, mládenci,
kralujte si na peci!«
A sousedé vystrašení
zpět se stáhnou v okamžení,
vědí, že je přichystán
car zem bránit ze všech stran.

Rok a dva a žádná změna. —
Strážce mlčí jako pěna.
Vtom křik vzbouzí Dadona,
na lůžku se narovná,
slyší: »Care, otče lidu,
konec míru, konec klidu!«
To po celém paláci
vojevůdce halasí.
Dadon zívá, snu se brání:
»Co se děje? Co je, páni?

Proč taková panika?«
Vojevůdce naříká:
»Kohoutek zas křičí, volá,
lid je hrůzou mrtvý zpola!«
Dadon k oknu běží hned,
vidí — strážce hlavu zved,
obrácen k východní straně
ukazuje k městské bráně.
»Hej, na koně! Rychle, chlapci!
Váhavost se nevyplácí!«
vzkřik car. Vyslal vojsko. S ním
jel nejstarší jeho syn.
Kohoutek ztich a car zase
na své lože odebral se.

Uplynul již osmý den.
Dadon s velkým neklidem
marně ve svém pokoji
čeká zprávu o boji.
Vtom z věže zas — kykyryký!
Car posílá nové šiky,
v jejich čele tentokrát
mladší synek vyjel z vrat.
Kohoutek ztich, svěsil hlavu.
Car zas marně čekal zprávu,
všechn lid se strachem třás.
Osmého dne z věže zas
ozvalo se kokrhání.
Potřetí car vojsko shání,
sám na východ vede je,
i když tajná naděje,
že by některého syna
našel, už v něm dohasíná.

Jdou den, jdou noc vojáci,
kdekdo už se potácí.
Nikde stopa sebemenší
po ležení, po zlé seči,
nikde hroby, nikde kříž.
Car je z toho zmaten již,
car se diví, car se chmuří.
Osmého dne u podhůří
jeho pohled přivábí
vprostřed skal stan z hedvábí.
Ticho, až to v duši mrazí.

Na planině mezi srázy
v změti mrtví žoldněři.
Car svým očím nevěří.
Hrůza! Poblíž hory v stínu
vidí mrtvoly svých synů
bez přilbic, v osnířích jen.
Prokláli se navzájem.
Na travěnce podupané
krev jak rudá rosa plane
a opodál u stanu
bloudí koně bez pánů.
Car lká, bol a úděs v líci:
»Děti, děti, sokolíci,
upadli jste do tenat.
Umřu, umřu žalem snad.«
Všichni kolem zaplakali,
zaplakaly skály v dáli,
srdce hor se zachvělo,
čisté nebe zatmělo.

Vtom ze stanu vyšla kráska,
carevice šamachanská
jak zornička zářivá.
Na cara se usmívá.
Jak noční pták šípem slunka
zasažený Dadon zmlká.
Sotva zaslech její smích,
na smrt obou synů svých
zapomněl... Panna se klaní,
bere ho svou hebkou dlaní
za ruku. Už ke stolu
usedají pospolu.
Večer po hostině skvělé
brokátové lože stele
krasavice pro starce.
Týden jako v pohádce
obluzený, omámený
kouzlem vlnadné mladé ženy
prožil car jak bez vůle
u bohaté tabule.
Osmý den car dospěl k tomu,
že by se měl vrátit domů,
a tak vypravil se hned
s cařicí i s vojskem zpět.
Že však pověst rychlonohou

koně sotva dohnat mohou,
dřív než dojel, ze všech stran
sběh se lid do městských bran
a přivítal s ovacemi
carův kočár pozlacený.
Dadon vlídně zdravil dav.
Náhle v houšti lidských hlav
v bílé saracénské čapce
zahléd rádce hvězdopravce
jak holuba sivého.
»Pojď blíž,« ihned vyzve ho,
»tys můj přítel nejvěrnější,
tvá moudrost mě vždycky těší.
Co mi řekneš? Odpověz!«
»Care, staré účty dnes
za svou službu předkládám ti.
Snad tvé carské slovo platí.
Slíbil jsi mi, vzpomínáš,
že mi všechno, co chci, dáš.
Splat' mi svůj dluh touto kráskou,
carevicí šamachanskou.«
Car zbrunátněl ve tváři.
»Cože? Blázníš, hvězdáři?
Tvá žádost je pošetilá.
K čemu by ti žena byla?
Nebo tě snad posed běs?
Poslyš, všechno má svou mez,
tak si žerty netrop ze mne.
Víš, kdo jsem? Jsem vládce země!
O všechno si můžeš říct,
o zlato z mých pokladnic,
o koně z mých carských stájí,
o půl říše — a já dám ji.«
Mudrc pravil: »A co s tím?
Po bohatství nedychtím.
Spokojím se s touto kráskou,
s carevicí šamachanskou.«
»Když ty takhle,« Dadon prsk,
»budeš holý jako prst.

Sám sis všechno prohrál dneska.
Odved'te pryč toho mezka.
Buď rád, blázne proklatý,
že nepošlu pro katy!«
Stařec přel se. Hádat s vládci

se však nikdy nevyplácí,
je to nebezpečný špás.
Mudrc neustoupil včas,
a tak rozešli se ve zlém.
Car ho po hlavě vzal žezlem,
ubožák pad jako snop
a obrátil oči v sloup.
Všichni ustrnuli. V tichu
jen cařice bez ostychu
hi-hi-hi a ha-ha-ha
smát se starci neváhá.
Car nenabyl ještě klidu,
usmál se však na nestydu.
Přikývl a pokyn dal
kočimu, ať jede dál.
Vtom zazvonil kov a tiše
zlatý kohoutek slét z výše
na kočár a před davy
klofl cara do hlavy,
mávl křídly, přelét bránu.
Dadon jen vzdych — a je v pánu.
A cařice ztepilá?
Ta byla i nebyla.
Propadla se, krasavice.

Příteli, pohádky sice
lžou. Když přemýšlíš však lip,
poučí tě jejich vtip.

1834

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
С молоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить.
Тут соседи беспокоить

Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь, —
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу.
Шлет за ним гонца с поклоном.

Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье, —
Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою».

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит всё смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден:
«Царь ты наш! отец народа! —
Возглашает воевода, —
Государь! проснись! беда!»
— Что такое, господа? —
Говорит Дадон, зевая: —
А?.. Кто там?.. беда какая? —
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит;
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку, — ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей;
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого;
Петушок опять утих.

Снова вести нет от них!
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку, —
Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» — мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатёр.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: «Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней

Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадонем
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала;
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот,
С шумом встретил их народ, —
Все бегут за колесницей,
За Дадонем и царицей;
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседельный,
Старый друг его, скопец.
«А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подь поближе! Что прикажешь?»
— Царь! — отвечает мудрец, —
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу. —
Крайне царь был изумлён.
«Что ты? — старцу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?

Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть пол-царства моего».
— Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу, —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи-хи-хи! да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот — въезжает в город он...
Вдруг раздался легкой звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз, — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.